

но стремление к построению справедливого государства, обеспечению прав и свобод всех граждан требуют отказа от революционного принципа целесообразности и установления режима законности в таком виде, как это предусмотрено международными договорами, конвенциями и европейской судебной практикой.

Список использованной литературы:

1. Ведомости Верховной Рады Украины, 2014
2. Закон Украины «О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины» №1183-VII от 08.04.2014 г.
3. Закон Украины «Об исполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека» № 3477-IV от 23.02.2006 г.

УДК 343

**КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК ПРАВОВАЯ РЕАКЦИЯ
НА КОРЫСТНОЕ ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ:
В ПОИКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ**

В.М. Хомич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, директор НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

1. Уровень криминализации в сфере экономической деятельности велик, однако наблюдается очевидная неэффективность борьбы с экономическими преступлениями. Современные олигархи экономической деятельности, при этом не без поддержки законодателя, как будто уверяют нас, что аферы – неотъемлемая часть предпринимательской системы, своего рода «плата» за рыночную организацию производства, и что к ним нужно относиться терпимо и снисходительно.

Поэтому реакция научного сообщества на уголовную политику в сфере противодействия экономической преступности расплывчата и перспективно неопределенна. Тем не менее, при любом уголовно-правовом и статистическом подходе экономическая преступность становится ядром огромной корыстной преступности. Если бы удалось зарегистрировать хотя бы четверть реальной экономической преступности, она могла бы превысить число самых распространенных деяний. Латентность преступности экономической направленности самая высокая. Именно она подрывает экономику страны и ее социальные программы. Такие преступления имеют форму организованных хозяйственных операций с привлечением экономических инструментов – безналичных счетов, платежных документов, кредитов и т.п.

2. Развитие западной рыночной экономики убедительно демонстрирует, что границы «правовой реальности» в сфере бизнеса «размыты» и в разные исторически складывающиеся экономические ситуации носят избирательно-неопределенный оценочный характер. Дело в том, что в основе самой предпринимательской деятельности изначально заложен причинный комплекс экономи-

ческих и социально-психологических противоречий, обусловленный стремлением к извлечению максимальной прибыли, рисковым характером предпринимательства, значительной свободой мошеннических способов достижения конечных результатов, отсутствием четких моральных критериев [1, с. 3–5]. Реакция уголовного закона на все это также непоследовательна и ситуативно-избирательна [2, с. 288].

3. Обозначенные противоречия явились и являются базисом для формирования и распространения теневой экономики и нелегальной финансово-хозяйственной деятельности. Теневая экономика особенно «устрашающе» проявляется в заметном росте коррумпированности практически многих сфер частной и государственной экономической деятельности, в участившихся хищениях значительных объемов материальных ценностей (по всей цепочке производственных и распределительных процессов), а также в использовании легальных форм бизнеса для отмывания «грязных денег» и уклонении от уплаты различных налогов. Причиной всего этого экономического и правового хаоса – отсутствие четкой грани между легальной (теневой) и нелегальной (криминальной, подпольной) экономикой,

К сожалению, приходится констатировать, что по этой причине в юридической науке отсутствует общепринятое определение теневой экономики, соответственно по-разному выделяются её составные части. Между тем, необходимость проведения четкой грани между легальной (теневой) и нелегальной (криминальной, подпольной) экономикой, актуально, в том числе и в контексте выбора правильной криминализации правонарушений в сфере экономической деятельности. Сегодня криминообразующие признаки устанавливаются законодателем произвольно, имеют кардинально разное выражение по близким составам.

В большинстве зарубежных стран Западной Европы, а также в США, понятие экономической преступности не имеет четких уголовно-правовых границ. Зарубежная криминология еще в середине XX века, отказавшись от понимания экономической преступности как преступности люмпенов и маргиналов, сконцентрировала свое внимание на «беловоротничковой» преступности – преступности предпринимателей, **связанной со злоупотреблениями экономической властью**. Несмотря на отдельные различия в группировке экономических преступлений, в ее концептуальном понимании фактически утвердился сформулированный в конце 80-х годов тезис о том, что только лица, непосредственно или опосредованно задействованные в сфере бизнеса, могут совершать экономические преступления.

4. Сегодня теневая экономика любой страны характеризуется высокой криминализацией, при этом противостояние различных криминально ориентированных и откровенно криминальных групп приводит к образованию и укреплению действующих в сфере экономики организованных преступных сообществ, в которых преобладают строгая дисциплина, иерархичность, высокий профессионализм, наличие коррупционных связей. Не вызывает сомнений, что в условиях нарастающего кризиса сохранять контроль за деятельностью коррумпированных чиновников, «полулегальных предпринимателей», профессиональных финансовых мошенников все труднее.

В.В. Колесников, отмечая криминогенность господствующей модели современной экономики, отмечает, что в ней «доминирует ростовщическо-спекулятивный интерес и забвению предан интерес производственный. Иными словами, интересы тех, кто создает экономические блага (товары и услуги) и вносит реальный вклад в экономический прогресс общества ушли на второй, даже десятый план. А интересы тех, кто из денег делает деньги, – не создавая никаких экономических благ, и преимущественно вообще никак, даже косвенно, не стимулирует реальное их производство (!), – стал тотально доминировать. Если взять всю массу денег, находящихся в мире в обращении, окажется, что на нужды производства идёт примерно 10% этих денег, остальные 90% – это денежные средства, обслуживающие интересы виртуальной экономики, где «деньги делают деньги» [3, с. 163–164]. Центр экономической преступности сместился в область манипулирования финансовыми ресурсами, которые стали мощнейшим фактором и генератором не только криминальной экономической преступности и коррупции, но и обще уголовной, а в последнее время и – источником метастазирования экстремистской и террористической деятельности.

5. Поэтому в центре внимания уголовной юстиции сегодня находится вопрос определения доходов от преступной деятельности и их конфискации в доход государства. Сразу отмечу, что это непростая задача для уголовного закона, особенно когда речь идет о конкретных преступлениях. Во-первых, преступный доход не равнозначен ущербу, причиняемому конкретным преступлением, хотя бы потому что он может быть получен от совершения преступлений, которые по характеру опасности деяния не причиняют прямого материального ущерба (например, незаконная предпринимательская деятельность). Во-вторых, полученный преступный доход имеет свойство возрастать вследствие его прямого или косвенного инвестирования или капитализации. Поэтому определить точно и доказательно его объем в рамках уголовного преследования чрезвычайно сложно.

6. Впервые вопрос об изъятии преступных доходов был поднят в связи с разработкой международных конвенций о противодействии коррупции и реализован в ст. 36 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. «О борьбе с коррупцией» (Изъятие имущества (взыскание расходов), стоимость которого (размер которых) превышает доходы, полученные из законных источников). Эта статья предусматривает возможность изъятия приобретенного имущества, стоимость которого превышает доходы, полученные государственным должностным лицом из законных источников. Такая конфискация (изъятие) неосновательного обогащения допускается в рамках гражданского судопроизводства. Учитывая, что происхождение неосновательного обогащения не связано (не связывается) с преступным способом его получения, принудительное изъятие у собственника такого имущества допускается при неясности легитимности источников доходов или их отсутствии, за счет которых это имущество могло быть приобретено. В соответствии с ч. 2 ст. 236 ГК принудительное изъятие у собственника имущества не допускается, кроме случаев, когда это производится по основаниям, предусмотренным законом и согласно постановлению суда. В числе таких оснований указанной частью статьи 236 ГК названы случаи, предусмотренные законодательными актами в сфере борьбы с коррупцией.

В большинстве государств такая жесткая реакция на неосновательное обогащение публичных должностных лиц является важнейшим правовым механизмом особого финансового контроля в целях предупреждения их «кормления» и обогащения посредством получения доходов от коррупции.

7. Правовые формы контроля преступных доходов и правовые механизмы изъятия незаконного (в том числе преступного) обогащения в государствах выстраиваются по-разному с учетом основополагающих принципов национальных правовых систем. В основе формирования на национальном уровне правовых оснований и механизмов изъятия незаконного обогащения лежат положения ст. 20 (Незаконное обогащение) Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции (2003 г.). Они гласят о следующем: «При условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое Государство-участник **рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер**, какие могут потребоваться с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать».

8. Представители многих государств еще в ходе разработки указанной Конвенции высказывались категорически против того, чтобы сам факт незаконного обогащения кого-либо признавать в качестве самостоятельного преступления, поскольку незаконное обогащение является (может быть) только следствием определенно-конкретного преступного деяния или следствием совокупности преступных деяний. Поэтому, с точки зрения правовой технологии описания признаков преступного деяния, это невозможно ни фактически, ни юридически. Кроме того, криминализация факта незаконного обогащения как преступного деяния уже на уровне самого закона вводит принцип объективного вменения (преступление считается совершенным и доказанным, если будет установлено значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать). Поэтому ст. 20 Конвенции сформулирована в виде рекомендации государствам-участникам, чтобы они **рассмотрели на** условиях соблюдения своих конституций и основополагающих принципов национальных правовых систем возможность принятия таких законодательных и других мер на предмет применения адекватных санкций за значительное превышение активов публичных должностных лиц, превышающих их законные доходы.

9. Большинство государств-участников Конвенции пошло по пути принятия «других мер» в части установления санкций (изъятия незаконного обогащения) за значительное превышение активов публичных должностных лиц, превышающих их законные доходы, которое они не могут разумным образом обосновать (объяснить, доказать). Такие меры устанавливаются и реализуются: а) в рамках уголовного судопроизводства по обвинению публичных должностных лиц (в Республике Беларусь в отношении всех должностных лиц) в совершении корыстно-служебных преступлений по приговору судов и б) в рамках гражданского судопроизводства. Использование для конфискации неосновательного

обогащения методов гражданского процесса позволяет возложить на ответчика бремя доказывания законности приобретения имущества. В этом – одно из главных преимуществ гражданско-правовой конфискации по сравнению с традиционной конфискацией по уголовному делу в рамках уголовного судопроизводства. Под влиянием международных актов в зарубежное уголовное законодательство наряду со специальной конфискацией, предусмотренной уголовным правом, все больше внедряется расширенная конфискация, которая также позволяет использовать сходные с гражданским судопроизводством способы.

Так, Директива о замораживании и конфискации орудий преступлений и доходов, полученных преступным путем, которая одобрена Европейским Союзом 3 апреля 2014 г. [4], предусматривает:

во-первых, расширенное определение доходов от преступлений, которое включает как прямые доходы, так и все косвенные выгоды, полученные, в том числе, в ходе последующего реинвестирования или преобразования прямых доходов;

во-вторых, акцент делается на применение так называемой расширенной конфискации (*extended confiscation*), в соответствии с которой может быть конфисковано не только имущество, непосредственно связанное с конкретным преступлением, но и спорное по происхождению имущество, которое в связи с обвинением лица в преступлении могло быть получено в следствие этого преступления или иных обусловленных преступлением незаконных деяний, если обвиняемое лицо не докажет, что спорное имущество приобретено на законные доходы. Такой подход, когда бремя доказывания возлагается на собственника спорного имущества, обвиняемого в преступлении, продиктован практической необходимостью, является прерогативой государства, признается в мировом сообществе допустимым с точки зрения защиты прав человека [5, с. 78-86].

10. Переложение бремени доказывания на собственника спорного имущества, обвиняемого в преступлении, не противоречит и презумпции невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления (лицо считается невиновным во вменяемом ему преступном деянии, пока стороной обвинения не будет доказано и судом подтверждено обратное), поскольку касается доказывания не факта виновности лица в совершении преступления, а происхождения сомнительных доходов как, возможно, производных от преступления (преступной деятельности). Расширенная конфискация, несмотря на ее критику последовательными сторонниками и приверженцами принципа презумпции невиновности, начала усиленно внедряться в уголовное законодательство европейских государств, особенно последние десять лет.

11. Для Республики Беларусь вопрос о введении института расширенной конфискации по корыстным тяжким и особо тяжким преступлениям не является актуальным, поскольку расширенная конфискация перекрывается применением общей конфискации всего или части имущества, приобретенного законным путем (или на законные доходы). То есть никаким образом имущество, которое конфискуется в качестве дополнительного наказания, не связано с корыстным преступлением, в совершении которого обвиняется лицо.

В большинстве государств конфискация в таком виде не применяется. Конфискуется только имущество, полученное вследствие совершения преступления, а также имущество и доходы, производные от имущества (доходов), непосредственно полученных преступным способом. В этом случае расширенная конфискация и разрешает проблему конфискации той части имущества обвиняемого, в отношении которого есть лишь косвенные основания полагать, что оно также получено преступным путем.

Список использованных источников:

1. Карпович, О.Г. Серьезные экономические преступления XXI века. Опыт противодействия им в Великобритании, России и США: монография / О.Г. Карпович, Ю.В. Трунцевский; вступительное слово Н.Д. Ковалева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 223 с.
2. Лопашенко, Н.А. Уголовная политика в области преступлений в сфере экономической деятельности: можно ли хуже / Н.А. Лопашенко // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 4. – С.288-302.
3. Колесников, В.В. Криминогенность современных моделей экономики – ключевой фактор детерминации мирового финансово-экономического кризиса / В.В. Колесников // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2010. – № 1 (18). – С. 162-168.
4. Directive 2014/42/EU of the European Parliament and of the Council of 3 April 2014 on the Freezing and Confiscation of Instrumentalities and Proceeds of Crime in the European Union 29/4/2014 // Official Journal of the European Union L 127/39.
5. Голованова, А.А. Конфискация как реакция на корыстное преступление / Н.А. Голованова // Журнал российского права. – 2015. – № 7. – С. 78-86.

УДК 343.8

**СУБЪЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ**

В.С. Шабаль,

адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

В ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее УИК) одним из основных средств исправления осужденных называется общественное воздействие. Данную деятельность осуществляют различные органы и организации. Так, в соответствии со ст. 21 УИК общественные объединения принимают участие в исправлении осужденных и осуществляют контроль за деятельностью органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности. В этой деятельности участвуют как наблюдательные комиссии при местных исполнительных и распорядительных органах, так и комиссии по делам несовершеннолетних в отношении лиц, не достигших 18 летнего возраста. В соответствии со ст. 105 УИК для оказания помощи администрации исправительного учреждения (далее ИУ) в организации исправительного процесса могут создаваться попечительские советы. В ст. 106 УИК для участия в